
Лия
МАЛИНИНА
БЫВШИЕ
Доктор Зоя, БУДЬ
МОЕЙ МАМОЙ

Лия Малинина

Бывшие. Доктор Зоя, будь моей мамой

https://litres.ru/74703983
SelfPub; 2026

Аннотация

— Зоя Эдуардовна, — в кабинет вошла моя ассистентка, — вот список на сегодня, — и положила передо мной листок с фамилиями.

Я пробежалась по нему глазами, а на предпоследней фамилии запнулась. София Державина, 6 лет.

— Чушь какая-то, — я зажала пальцами переносицу и закрыла глаза.

— Вы о чем? — тут же начала беспокоиться Галя. — Там ошибка?

— Нет, — выдохнула я, возвращая себе самообладание, — все в порядке, просто совпадение.

А через несколько минут в дверь кабинета коротко постучали. Я вздрогнула, резко повернулась к двери и утонула в черном тяжелом взгляде Глеба Державина, моего бывшего мужа и моей первой сумасшедшей любви.

Он держал за руку маленькую девочку, свою копию.

— Здравствуй, Зоя, — тихо проговорил он, не отводя от меня своих глаз.

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 11
Глава 3 17
Глава 4 22
Глава 5 27
Глава 6 32
Конец ознакомительного фрагмента. 35

Лия Малинина
Бывшие. Доктор Зоя, будь моей мамой

Глава 1

Зоя

Этот день начинался совершенно обычно. Будильник, душ, завтрак, кофе. Моя жизнь в последние двенадцать лет напоминала “День сурка” и шла по одному, привычному мне сценарию.

Я сама выстроила ее таким образом, чтобы все было по распорядку и работало, как часы.

Мне так было удобно. Все по плану, никаких непредвиденных ситуаций, спокойно и размеренно и без лишних эмоций.

В половине восьмого я вышла из дома, села в машину и отправилась на работу в клинику. Включила новый подкаст о лечении неврологических расстройств у детей и сосредоточилась на дороге.

На одном из светофоров со мной поравнялась машина

такси. Я машинально бросила взгляд в сторону пассажирского сидения и у меня на мгновение перехватило дыхание.

Я увидела мужчину, поразительно похожего на моего бывшего мужа Глеба. Тот же точеный профиль, нос с горбинкой, только стрижка другая и волосы совсем седые.

— Привидится же, — резко отвернулась и уставилась на дорогу.

Говорят же, что у каждого из нас в этом мире есть двойник, вот и этот мужик просто похож на него.

Выбросив пассажира такси из головы, я доехала до клиники и начала готовится к приему своих маленьких пациентов.

— Зоя Эдуардовна, — в кабинет вошла моя ассистентка, — вот список на сегодня, — и положила передо мной листок с фамилиями.

Я пробежалась по нему глазами, а на предпоследней фамилии запнулась и в памяти тут же всплыл пассажир такси, встреченный мной на дороге.

София Державина, 6 лет.

— Чушь какая-то, — я зажала пальцами переносицу и закрыла глаза.

— Вы о чем? — тут же начала беспокоиться Галя. — Там ошибка?

— Нет, — выдохнула я, возвращая себе самообладание, — все в порядке, спасибо.

Галя молча кивнула и вышла из кабинета, а я встала, подошла к столику, налила из графина стакан воды и залпом

его осушила.

— Просто совпадение, — выдохнула я и выбросила все из головы, сосредоточившись на приеме.

Весь день я принимала пациентов. Осмотры, контрольные анализы и тесты, изменение тактики лечения.

Я специализировалась на мутизме — это такое состояние, при котором ребенок от стресса, или какого-то травмирующего фактора резко перестает разговаривать.

За десять лет практики я стала признанным специалистом в этом вопросе и ко мне на прием ехали дети со всей России.

А для меня лучшей наградой было, когда после успешной терапии малыш говорил мне “спасибо, доктор”, а родители светились от счастья.

Своих детей у меня так и не случилось, поэтому к маленьким пациентам я относилась со всей своей нерастраченной материнской любовью.

— Зоенька, ты как всегда прекрасна, — в перерыве в кабинет вошел Аркадий Мухин, наш главный врач и мой назойливый поклонник, — это тебе, — он бережно положил на мой стол большой букет темно-бордовых роз. Которые я, к слову, терпеть не могла.

— И тебе привет, Аркадий Матвеевич, — я откинулась на спинку кресла и внимательного на него посмотрела.

— Может, поужинаем сегодня? — он уселся на край моего стола, бесцеремонно отодвинув стопку карточек пациентов и бросил на меня самый обольстительный взгляд, на который

был способен.

Он был, конечно, неплохим мужиком, отличным управленцем, который за год работы в этой должности вывел нашу клинику на совершенно другой уровень.

Только вот был у него один недостаток — он любил женщин. Слишком. А женщины любили его. Тоже слишком.

За ним тянулся шлейф коротких романов и необременительных интрижек, а дома его ждала верная и преданная жена, которая закрывала глаза на все его похождения.

— Аркадий, — я вздохнула и посмотрела на него, как на ребенка, — я устала тебе повторять, что во-первых, не завожу романов на работе, а во-вторых, не ужинаю с женатыми мужчинами. Так что ты сплошной "красный флаг" для меня.

— Чего? — он в недоумении сдвинул брови на переносице.

— Человек, с которым никогда и ни при каких обстоятельствах нельзя переходить черту делового общения, так понятнее? — уверенно проговорила я, четко выделяя интонацией каждое произнесенное слово.

— Ну че ты кобенишься, Зой, — он скрестил руки на груди, — у тебя что, очередь из кавалеров стоит? — он махнул головой в сторону двери. — Другая радовалась бы, что за ней так ухаживают. Или ты цену себе набиваешь, а?

— Ну вот иди и ухаживай! — вспылила я. — И веник свой забери! — я ткнула пальцем в цветы, лежащие на столе.

Он дернулся, как от пощечины и сцепил зубы так, что на

скулах ходуном заходили желваки.

— Ну это мы еще посмотрим, — процедил он сквозь зубы, встал и вышел из моего кабинета, оставив букет на столе.

— Что же за день такой дурацкий? — пробубнила я себе под нос, медленно поднялась, открыла шкаф, достала вазу и наполнила ее водой. Бедные цветы-то ни в чем не виноваты.

Я поставила вазу на небольшой журнальный столик, который стоял между двух белых кожаных кресел и в этот момент в дверь коротко постучали.

У меня почему-то от этого стука что-то внутри оборвалось. Я вздрогнула, резко повернулась к двери и утонула в черном тяжелом взгляде Глеба Державина.

Моего бывшего мужа, моей первой сумасшедшей любви и человека, который так разрушил мою веру в брак и мужчин в целом, что я так и не решилась больше ни на одни серьезные отношения, а тем более на семью.

Когда мы виделись в последний раз, он был высоким и худощавым парнем, с копной непослушных черных волос, который мечтал покорить весь мир.

Сейчас же на меня смотрел мужчина. Взрослый, возмужавший, умудренный жизненным опытом и с бесконечной тоской в глазах.

— Здравствуй, Зоя, — тихо проговорил он, не отводя от меня своих глаз.

А я, казалось, забыла все слова, правила поведения и деловой этики.

Я смотрела в глаза своему прошлому, которое настигло меня тогда, когда я совершенно не была к этому готова.

Глава 2

Зоя

Наше молчание, наверное, длилось целую вечность, и я попыталась хоть как взять себя в руки.

— Зоя…Эдуардовна, — выдавила из себя хрипло и перевела взгляд на девочку.

Малышка смотрела на меня испуганным глазами, точь в точь, как у ее отца и крепко прижимала к груди плюшевую собачку.

— Да, конечно, — тут же отозвался Державин, — простите, Зоя Эдуардовна.

Я кивнула, развернулась на каблуках и прошла к своему столу.

— Присаживайтесь, — я указала рукой на два стула для посетителей, стоящих напротив.

Глеб помог дочери устроиться, что-то шепнул ей на ухо, отчего она улыбнулась и крепче прижала к себе собачку.

– У вас есть результаты исследований? — как можно ровнее проговорила я, не глядя на бывшего.

— Да, конечно, — ответил Державин и передо мной на стол легла пухлая карта его дочери.

Я несколько минут внимательно изучала ее, медленно пе-

релистывая страницы и перечитывая диагнозы.

— София, а ты любишь рисовать? — я наконец подняла глаза и посмотрела на ребенка.

Она настороженно посмотрела на отца, он одобрительно посмотрел на нее с мягкой улыбкой и только после этого она повернулась ко мне и кивнула.

— Идем со мной, — я встала из-за стола и протянула девочке руку.

Она соскользнула со стула и доверчиво вложила свою маленькую ладошку в мою.

Мы прошли в смежный кабинет, который был оборудован, как некое подобие игровой комнаты. Детям комфортнее проходить терапию в таких помещениях. Это их расслабляет и дает забыть, что они находятся в лечебном учреждении.

— Смотри, вот бумага, — я подвела ее к небольшой столику, — здесь есть карандаши, фломастеры, мелки, что выберешь?

Она задумалась на пару секунд, а потом уверенно ткнула пальчиком в мелки.

— Отличный выбор, — я улыбнулась девочке и погладила ее по спине, — я оставлю тебя ненадолго, ладно? Ты пока порисуй, а мы поговорим с папой и я к тебе тут же вернусь, договорились?

София кивнула, не поднимая на меня головы, уже увлеченная рисованием.

Я подошла к двери и на секунду прикрыла глаза, настра-

иваясь на разговор. В первую очередь я профессионал, доктор. Он отец моей маленькой пациентки.

Все остальное не имеет значения. Наш брак закончился так давно, что вся наша история сейчас уже кажется неправдой.

Выдохнула, открыла глаза и вышла из комнаты, тихо прикрывая за собой дверь. Затем я с абсолютно невозмутимым видом вернулась за свой стол и села.

Державин при этом не сводил с меня глаз, внимательно рассматривая.

— Глеб Сергеевич, — начала я максимально официально, как с любым другим пациентом, — расскажите, что произошло.

— Зой, давай без этого официоза, — он расстегнул пуговицу на пиджаке и провел пятерней по волосам.

— Без официоза не получится, — тут же осадила его я, — я доктор, вы отец моей пациентки, на этом все.

Он несколько минут смотрел на меня, явно не узнавая во мне ту влюбленную в него дурочку, которая когда-то в рот ему заглядывала и была рада любым крохам внимания.

Я стойко выдержала его взгляд, но одному Богу известно, чего мне это стоило.

— Моя жена погибла восемь месяцев назад, — наконец глухо проговорил Глеб, — авария. Соня была с ней, и только каким-то чудом не пострадала.

Он с силой выпустил воздух через ноздри и опустил гла-

за. Было видно, насколько тяжело ему говорить об этом, а у меня сжалось сердце при мысли о том, что пережила маленькая девочка.

Конечно, нас в медицинском учили оставлять эмоции за порогом кабинета, но не всегда это получалось, далеко не всегда. Порой, люди приходят с такими историями, с такой болью и трагедией, что ты просто не можешь отключить чувства и не пропустить эту боль через себя.

— Мне очень жаль, — прошептала я, дрогнувшим голосом.

— Марго была пьяна, — со сталью в голосе проговорил Державин, резко подняв на меня взгляд, — она после очередной вечеринки с подругами решила уйти от меня к своему любовнику и прихватила с собой дочь.

Он поставил локти на колени и несколько раз провел ладонями по лицу, будто стирая с себя эти страшные воспоминания.

— Хорошо, что у нее хватило мозгов посадить Соню в автокресло, иначе… — его голос сорвался и он замолчал.

— Она сразу замолчала? — тихо спросила я.

— Да, — кивнул Глеб, — когда я примчался в больницу, она сидела в больничном коридоре на холодном металлическом стуле поджав под себя ноги и беззвучно плакала. Вся грязная, поцарапанная, испуганная.

Я почувствовала, как к моему горлу подкатывает ком, а глаза начинает щипать от слез. Необъяснимо, но я чувство-

вала боль и страх этой малышки, как свой собственный.

Я будто оказалась там, рядом с ней, в этом холодном пустом больничном коридоре. Потерянная и до конца не понимающая, что же произошло.

— Восемь месяцев я возил ее по всем врачам, — тем временем продолжил Державин, — здесь, за границей, но никто ничего не смог сделать.

Я больше не могла находится рядом с ним. Неожиданно поймала себя на мысли, что хочу обнять его, разделить с ним его боль. Но…

Это не моя история, я лишь сторонний наблюдатель и доктор, к которому обратились за помощью. Смогу ли я помочь? Я сомневалась.

Отодвинула кресло, встала из-за стола и подошла к окну. Мне нужно было подумать, проанализировать и что-то ему ответить.

— Мы перепробовали все, — вновь заговорил он, — психологи, психиатры, гипноз. Все мимо.

— Почему я? — спросила, не поворачиваясь.

— Мой друг посоветовал к тебе обратиться, — я услышала, как Державин встал и подошел ко мне, — сказал, что в Калининграде принимает чудо-доктор, Зоя Лесневская.

— Ну, насчет “чудо”, я бы поспорила, — невесело усмехнулась я.

— Я сразу понял, что это ты. Всегда был уверен, что ты осуществишь свою мечту, — продолжил Глеб, а у меня в па-

мяти вспыхнуло, как мы рассказывали друг другу о своих сокровенных мечтах, строили планы и верили, черт возьми, в то, что мы всегда будем вместе и ничто и никто не способен нас разлучить!

Но оказалось, что вся наша любовь была эфемерной фикцией, которая не выдержала первой трудности. Молодость, импульсивность и амбиции плохие помощники в сердечных делах.

— Зой, ты наша последняя надежда, — он стоял так близко, что я волосами чувствовала его дыхание, — если не ты, то никто больше не поможет.

— Я не знаю, — наконец тихо проговорила я, качая головой, и дело было совсем не в личной обиде на этого мужчину.

— Прости меня, — он сжал руками мои плечи и уткнулся лбом в мой затылок.

— Твои извинения запоздали на двенадцать лет, Державин, — прохрипела я, резко дернула плечами, чтобы скинуть его руки и вернулась за свой стол.

Я больше не могла выносить его близость, голос, запах, который и через двенадцать лет, все еще казался мне родным.

Что же делать?

Как мне поступить?

Я не знала ответов на эти вопросы, но понимала, что их появление уже изменило мою жизнь.

Глава 3

Глеб

Моя жизнь в последние годы напоминала хаос, какую-то безумную вечеринку в психиатрической клинике.

Я разрывался между бизнесом, где постоянно всплывали какие-то подводные камни и проблемы, которые мне приходилось преодолевать и домом, где была вечно поддатая Марго, которую интересовали только подружки, вечеринки и случайные любовники.

Видит Бог, сколько раз я пытался ее вразумить. Психологи, наркологи, ретриты и еще черт ногу сломит, что. Не жизнь, а театр абсурда.

Она клялась взяться за ум, заняться ребенком, но ее запала хватало ненадолго. Я бы выгнал ее, но Сонька тянулась к ней, несмотря на постоянное дурное настроение мамы.

Никогда не забуду, как я вернулся домой с очередного совещания, а Марго лежала в беспамятстве на кровати, в разодранных чулках и с размазанной по лицу косметикой, а София сидела рядом, гладила ее по голове и что-то шептала ей на ухо.

После этого я сказал жене, что мы разводимся и дочь остается со мной. Потому, что ребенку лучше жизнь без матери, чем с такой.

Она как-то подозрительно легко согласилась, торговалась за отступные и алименты, выбирала, что из недвижимости ей останется.

А потом эта авария. Пока ехал из офиса в больницу, думал, что у меня сердце остановится.

Я ведь никогда не был особо верующим человеком, не знал молитв, но пока прорывался по пробкам к дочери, я молился всем богам, чтобы она была жива.

София сидела в пустом больничном коридоре на железном стуле и тихо плакала. В синяках, с царапиной на лбу, но живая! Каким-то чудом она не пострадала.

Марго сделала единственный правильный поступок в жизни — посадила ребенка в автокресло и пристегнула.

— Доченька, доченька моя, — я упал перед ней на колени и прижал малышку к груди.

Она обхватила меня ручками за шею и крепко прижалась. Я чувствовал, как она дрожит.

Тут же вышел доктор, начал мне что-то объяснять о том, что госпитализация девочке не нужна, что у нее просто сильный стресс, но я плохо понимал его слова, я гладил по спине свою дочь и впервые в своей жизни плакал.

— Как ты, Соф, — я слегка отстранил ее от себя и заглянул в ее глаза, — у тебя что-то болит?

Но она молчала. Смотрела на меня и молчала!

— Доченька, – шептал я ей, — ну скажи, что болит?

А она только отрицательно покачала головой и снова

уткнулась в мое плечо.

Именно в тот день я поседел. Когда мы с ней наконец добрались до дома, после разговора с полицией и врачами, я мельком глянул на себя в зеркало и не узнал. Утром на работу уходил молодой, полный сил мужик, а вечером вернулся старик.

Врачи хором твердили мне, что молчание дочери пройдет, у нее психологическая травма, говорили, что нужно дать ей время, но время шло, а она все так же молчала.

Мне иногда казалось, что она просто не хочет говорить, она жестами отвечала на вопросы, так же жестами показывала, что ей нужно, и все.

Постепенно она снова начала играть, рисовать, только смеха в доме больше не было. Лишь тяжелая, гнетущая тишина.

Каким врачам я ее только не показывал. Благо, моя работа связана со сферой медицины и я имел доступ к лучшим врачам, в лучшие клиники здесь и за границей.

Но все было тщетно. Эскулапы лишь разводили руками и с сочувствием на меня смотрели.

— Глеб, есть еще один вариант, — как-то вечером мне позвонил Стас Кондратьев, мой хороший друг.

— Ты о чем? — я сначала даже не понял, по какому поводу он мне звонит.

— В Калининграде есть детский невролог, Зоя Лесневская, она творит чудеса.

Он еще что-то говорил, а у меня перед глазами стояло лицо молодой смеющейся девчонки.

Ее длинные темные волосы трепал ветер, а она запрокидывала голову и хохотала над моими шутками. Я подхватывал ее на руки, кружил, а потом до одури зацеловывал ее губы.

Зоя Лесневская… моя первая жена, моя самая большая и, наверное, единственная любовь в жизни. Это без сомнения была она, моя девочка мечтала стать первоклассным доктором и помогать деткам.

Только вот как я сейчас приеду и посмотрю ей в глаза, после того, как предал ее, бросил и уехал, ухватившись за заманчивое предложение.

Долбанный юношеский максимализм. Я пер напролом к своей цели, теряя на пути к ней самое дорогое. Тогда, конечно, я этого не осознавал. Я даже не могу сказать, что долго мучился чувством вины.

Только в первые годы после нашего развода Зоя снилась мне постоянно, как напоминание о цене, которую я платил за свой успех. Но через какое-то время ее образ стал размываться в моих мыслях, а вскоре и совсем почти исчез.

Осознание низости моего поступка пришло позже, лет через пять, когда я потихоньку начал становиться на ноги.

Проснулся однажды и явно осознал, что в гонке за мечтой я потерял нечто важное и ценное в своей жизни. Я потерял то настоящее, что было между мной и этой девушкой.

— Глеб, ты слышишь меня? — выдернул меня из воспоминаний друг. — Я скинул тебе телефон клиники.

— Я не думаю, что это поможет, — обреченно выдохнул я, — Софию смотрели лучшие доктора.

— Именитый доктор не равно успех, Глеб, — настаивал друг, — почитай о ней, она как раз с молчунами работает. Попробуй.

Я поблагодарил друга, закончил разговор, открыл ноутбук и в строку поиска вбил имя: Зоя Лесневская…

А через полчаса мой помощник уже записывал нас с Софией к ней на прием и покупал билеты в Калининград.

Глава 4

Глеб

В день приема я был как на иголках. Ведь она была практически нашей последней надеждой. Если Зоя не поможет, то я просто не знаю, что мне еще сделать, чтобы моя дочь стала прежней.

Вот так бывает, когда ты можешь купить практически все, что захочешь, кроме самого главного: здоровья собственного ребенка. И от этого чувствуешь себя абсолютно бессильным.

Конечно, я еще думал и о том, как увижу ее, спустя столько лет. Боялся ли я встречи с Зоей?

У меня не было ответа на этот вопрос. Я обидел ее много лет назад и был уверен, что теплой встречи старых друзей мне ждать не стоит.

Но я был готов ко всему, лишь бы она согласилась нам помочь.

Мы в Софией подошли к назначенному времени к ее кабинету, я коротко стукнул и вошел, открыв дверь.

И тут же меня, как вихрем, снесло воспоминаниями прошлого. Меня будто ударили под дых, напрочь сбив дыхание.

Напротив меня, с шокированным видом, стояла та, моя Зоя, только повзрослевшая и еще более красивая, чем была тогда, больше двенадцати лет назад.

— Здравствуй, Зоя! – проговорил я, не в силах отвести от нее глаз.

На ее лице пронесся вихрь эмоций от шока до ледяного спокойствия.

— Зоя…Эдуардовна, — выдавила она из себя и перевела взгляд на Софию.

— Да, конечно, — я тут же взял себя в руки, — простите, Зоя Эдуардовна.

Через несколько минут Зоя увела дочь в соседнюю комнату, чтобы ей не пришлось слушать рассказ о трагедии, вернулась и вновь заняла место за своим столом.

Собранная, профессиональная и холодная.

— Глеб Сергеевич, — ровно проговорила она, — расскажите, что произошло.

— Зой, давай без этого официоза, — ну какой я ей Глеб Сергеевич, в самом деле.

— Без официоза не получится, — тут же отбрила меня бывшая жена, — я доктор, вы отец моей пациентки, на этом все.

Я замолчал, а потом принял ее правила игры. На самом деле, мы теперь друг другу никто.

Рассказал Зое, о том, что произошло, к каким специалистам мы обращались. Она внимательно слушала и иногда заглядывала в результаты исследований, который я ей передал.

В какой-то момент она соскочила со стула и подошла к окну, обняв себя руками за плечи.

— Мы перепробовали все, — тихо проговорил я, сверля ее спину взглядом, — психологи, психиатры, гипноз. Все мимо.

— Почему я? — спросила, она не поворачиваясь.

— Мой друг посоветовал к тебе обратиться, — я не выдержал, поднялся и подошел к ней, — он сказал, что в Калининграде принимает чудо-доктор, Зоя Лесневская.

— Ну, насчет "чудо", я бы поспорила, — невесело усмехнулась Зоя.

— Зой, ты наша последняя надежда, — я стоял за у нее за спиной и как маньяк вдыхал ее запах, — если не ты, то никто больше не поможет.

— Я не знаю, — прошептала она.

— Прости меня, — я сжал руками плечи Зои и уткнулся лбом в ее затылок.

— Твои извинения запоздали на двенадцать лет, Державин, — прохрипела она, вывернулась и вернулась за свой стол.

А я так и остался стоять у окна, засунув руки в карманы брюк. За окном кипела жизнь, по оживленному проспекту неслись машины, люди спешили по своим делам, а в этом кабинете жизнь замерла. Ее будто поставили на паузу.

— Я постараюсь помочь вашей дочери, — наконец прервала молчание Зоя, изучив все документы, — а сейчас выйдите пожалуйста в коридор, Глеб Сергеевич, я буду работать с Софией наедине.

— Спасибо, — тихо поблагодарил ее и вышел, плотно закрыв за собой дверь.

Я слышал, как Зоя вошла в комнату к дочери, о чем-то с ней говорила, а я сидел в кресле и размышлял, прокручивая в голове каждую минуту нашей встречи.

Интересно, как она живет? Наверняка у нее есть семья, дети. Она каждое утро целует своего мужа, готовит завтрак, провожает в школу и детский сад детей.

И мне почему-то стало не по себе от этой мысли. О том, что она смотрит на другого так, как когда-то смотрела на меня, каждую ночь ложится к нему в постель.

— Совсем мозги набекрень съехали, — я одернул сам себя, порывисто встал и начал мерить шагами коридор.

Не мое дело с кем и как живет Зоя Лесневская. Меня это не касается. Главный приоритет сейчас — это моя дочь, а прошлое должно оставаться в прошлом.

Спустя полчаса дверь кабинета открылась и из него вышли Зоя и София. Дочь довольно улыбалась и держала в руках свой рисунок.

— Она заговорит, — тихо сказала моя бывшая жена, когда Соня отошла к кулеру и набирала в пластиковый стакан воду, — но сразу говорю, что процесс будет не быстрым.

— Я готов на все, — тут же ответил я, в голове прикидывая, что мне нужно снять квартиру и максимально перевести все дела на удаленку.

— Вы будете приходить три раза в неделю, — продолжила

она, — работать будем с Софией наедине, вы будете ожидать за пределами кабинета.

— Хорошо, — с готовностью согласился я.

— Вот счет за прием, — она протянула мне распечатанный бланк, — с ним подойдете на кассу на первом этаже.

— А ты изменилась, — не удержался я.

— В чем же? — она слегка нахмурила брови и скрестила руки на груди.

— Стала жестче, – я слегка улыбнулся, наблюдая за ней.

— Учителя хорошие были, — обдала меня ледяным взглядом доктор Лесневская, — всего доброго.

Резко развернулась и вошла в свой кабинет. А я постоял минуту, пялясь на белое полотно двери и перевел взгляд на дочь, которая стояла в паре метров от меня и… улыбалась.

Глава 5

Зоя

Я влетела в кабинет, захлопнула дверь, прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. Да уж, вот к чему меня абсолютно не готовила жизнь, так к тому, что когда-либо я снова встречу Державина.

По большому счету, я уже и забыла, как он выглядит. Никогда не следила за его жизнью, не мониторила социальные сети. Мне не до того было.

Сначала училась в институте, затем в ординатуре, ухаживала за мамой, а потом… Потом была работа и мои маленькие пациенты.

— Все, выдыхай бобер, — пробубнила себе под нос, оттолкнулась от двери и вернулась за стол.

Мне было нужно привести мысли в порядок, сегодня записан еще один пациент, а потом уже можно будет поехать домой и порефлексировать в спокойной обстановке.

Закончив работу, я села в свою машину и выехала с территории клиники. Толкаясь в вечерних пробках постоянно думала о Софии. У меня сердце сжималось от мысли, что пришлось пережить малышке.

Тут же в голове начала выстраивать тактику лечения. Я поняла, что ей очень нравится рисовать, значит пойдем этим

путем. От мыслей меня отвлек звонок телефона.

— Алло, — приняла я вызов по громкой связи.

— Привет, Леся, — пропела моя институтская подруга Таня. Только она до сих пор называла меня так.

— Привет, Зая, — усмехнулась я, — ты прям, как чувствовала, что сегодня мне нужен сеанс психологической поддержки.

Мы с Танюхой учились в одной группе в медицинском институте в Томске. Познакомились на первой лекции, да так и остались неразлучниками. Зая и Леся. Зайцева и Лесневская.

Таня уже давно не Зайцева, за эти годы она успела дважды выйти замуж, каждый раз свято веря, что это мужчина ее мечты и дважды развестись, сохранив при этом с бывшими прекрасные отношения.

— Ну рассказывай, что у тебя там стряслось, — обеспокоенно проговорила подруга, а я на пару секунд замолчала, собираясь с мыслями и проговорила:

— Я сегодня видела Державина!

— Та-а-ак, — выдохнула Танька, — и каким ветром его занесло?

— Он привез на прием свою дочь, — выпалила я, а потом вкратце рассказала о нашей встрече.

— И как он? Надеюсь, облысел и растолстел? — хохотнула подруга.

— Не-е-ет, — провыла я, — он красивый, как долбан-

ный греческий бог! Стройный, накаченный, только поседел немного.

— Пожалуйста, скажи мне, что у тебя ничего нигде не ёкнуло, когда ты его увидела! — взмолилась подруга.

А я замолчала, прислушиваясь к своим ощущениям. Я не знаю, как описать правильными словами, что именно я почувствовала, увидев его.

У меня сбилось дыхание и было ощущение, что земля уходит из под ног. Растерянность, недоумение и … трепет. Да, у меня, черт возьми ёкнуло!

— Я так и знала, — тихо проговорила подруга, — ой, Зойка, — береги свое сердце. Ты помнишь, что с тобой было, когда вы расстались? Я тебя полгода по кускам собирала!

— Помню, — выдохнула я, — я все помню, Тань. И подобного больше не повторится.

— Это был разовый прием, надеюсь? — с надеждой в голосе спросила она.

— Нет, она будет проходить у меня курс лечения.

— Погоди, — тут же оживилась она, — если привез дочь, значит у него есть жена. Все, вопрос закрыт, — Танька хваталась за последнюю соломинку.

— Он вдовец, — тихо ответила я, перестроилась в правый ряд и на ближайшем светофоре повернула к дому.

— М-да, — выдала Таня, — ну что тебе сказать подруга? Держи себя в руках и не позволяй этому засранцу еще раз разбить тебе сердце, а я, пожалуй, запасусь попкорном. Чув-

ствую, история будет долгой.

— Ну спасибо, утешила, — усмехнулась я, паркуясь у подъезда.

— Ты взрослая девочка, Зой, — ласково проговорила Танька, — помни, что я всегда рядом, даже когда за тысячи километров.

Я поблагодарила подругу, отключила вызов и вышла из машины. Через несколько минут я вошла в свою идеально прибранную, уютную и абсолютно пустую квартиру, где меня никто не ждал.

В моем доме никогда не было детского смеха, разбросанных вещей и запаха ужина, с которым бы меня кто-то встречал.

Типичная холостая женщина, помешанная на идеальном порядке и дисциплине. Все на своих местах, никаких лишних деталей и раздражающих цветов. В общем, скучно и уныло.

Не знаю, почему, но именно сегодня я вдруг другими глазами посмотрела на свою жизнь. И неожиданно в голову пришла мысль: “А не упустила ли я что-то важное? И как бы сложилась моя жизнь, если бы мы тогда не расстались с Глебом?”

Я вошла в спальню, стянула с себя юбку, блузку и открыла шкаф, в котором даже вещи были развешаны по цветам.

Взяла пустую вешалку, накинула на нее свою нежно-голубую блузку, улыбнулась и повесила ее к черным вещам.

— Вот так, — довольно улыбнулась я, будто сломала какую-то хитрую систему, — хватит идеального порядка. Это скучно, в конце концов.

Покачала головой, захлопнула дверцы шкафа и отправилась в душ.

Потом переоделась в домашний костюм, разогрела себе позавчерашний ужин, поковыряла в нем вилкой и поняла, что это есть я не хочу.

Высыпала содержимое тарелки в мусорку, взяла телефон и заказала пиццу.

— Да вы пошли вразнос, Зоя Эдуардовна, — проговорила сама себе, упала на диван, прикрыла глаза и тут же мои воспоминания унесли меня туда, на четырнадцать лет назад, на фестиваль “Студенческая весна”, где я впервые увидела Глеба Державина, студента третьего курса фармацевтического факультета.

Глава 6

Зоя

Фестиваль “Студенческая весна” был самым ожидаемым событием в нашем институте. От каждого факультета нужно было представить два номера, вокальный и танцевальный, и мы, после лекций и семинаров, собирались в актовом зале и репетировали.

Вот в один из дней я и увидела его. Глеб сидел на каком то старом стуле и играл на гитаре песню группы “Сплин”, которая тогда была на пике популярности.

Он напевал ее в полголоса, его длинные пальцы бегали по струнам, а челка спадала на глаза, когда он наклонял голову.

— Лесь, ты чего застыла? — толкнула меня в бок Танька.

— Ты не знаешь кто это? — ответила я вопросом на вопрос, указав взглядом на парня.

— Кто его не знает, — фыркнула Зая, — это Глеб Державин, с фармы, третий курс.

— И где-то хлопнет дверь, и дрогнут провода, — пел тем временем Глеб, — Привет! Мы будем счастливы теперь и навсегда, — он поднял голову и посмотрел прямо на меня, — Привет! Мы будем счастливы теперь и навсегда, — повторил он последнюю строчку песни и улыбнулся мне.

И именно в этот момент я поняла, что влюбилась. Вот так, с первого взгляда, с первой строчки песни.

Он отложил гитару, встал, не сводя с меня глаз и подошел.

— Привет, — широко улыбнулся он, небрежно проведя пятерней по своей шевелюре, — не видел тебя раньше.

А я стояла и хлопала глазами, глядя на него задрав голову. Глеб был намного выше меня, худощавый, одетый в обычную белую футболку и голубые джинсы.

— Мы с лечфака, первый курс, — тут же бойко ответила Танька, — Зой, идем, нас ждут.

— Зоя, — повторил он мое имя, будто пробуя на языке, — красивое имя, редкое.

— Да, — наконец отмерла я, — в честь бабушки назвали, — я лепетала, заикаясь, хотя никогда не была из робкого десятка, — ладно, нам пора. Классно поешь, — выпалила я и сделала шаг в сторону.

— Подожди, — он ухватил меня за руку, — давай после репетиции погуляем.

— Ну ладно, — медленно ответила я, опуская взгляд на наши руки.

Вот с того вечера мы больше и не расставались. После репетиции Державин ждал меня в холле, а когда я подошла к нему, просто взял меня за руку и мы отправились сначала в небольшое кафе, недалеко от института, а потом гуляли в парке, пока не продрогли до костей.

Март в Сибири означает только начало календарной вес-

ны, а морозы порой стоят лютые.

На вечеринке после фестиваля он впервые меня поцеловал. Мы танцевали медленный танец, он прижимал меня к себе, а у меня сердце заходилось от восторга.

Глеб медленно наклонился и осторожно коснулся своими губами моих. Потом остановился, видя мою растерянность.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.